

СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ В РОССИИ (ПО КНИГЕ В. И. БЕЛОВА «ТЯЖЕСТЬ КРЕСТА»)

Позднее творчество В. И. Белова ознаменовано обращением к документалистике и публицистике. В девяностые годы публицистичность стала тенденцией развития «традиционной» прозы, в которой работали В. Белов, В. Распутин, Е. Носов и др. Современники заявляли о творческом кризисе данных авторов. Однако время все расставило на свои места. Спустя время проблемы, заявленные прозаиками, стали еще острее. Поэтому наступает время пересмотра публицистических и мемуарных произведений конца 20 века. Вместе с тем, позднее творчество В. И. Белова остается почти без внимания исследователей, хотя именно оно является выражением прямой авторской позиции, дает возможность переосмыслить многие произведения автора, показывает эволюцию взглядов писателя.

В 2000 году Белов опубликовал в журнальном варианте книгу воспоминаний о Шукшине «Тяжесть креста» – произведение острополюемическое. Мемуарная литература подразумевает откровенный разговор с читателем, перед которым автор раскрывает многие секреты своей и чужой биографии. В. И. Белов предельно искренне говорит о себе и деликатен, бережен в описании жизни В. М. Шукшина. Глубоким чувством уважения проникнуты строки, посвященные другу, его семье и работе. Даже несогласие во взглядах на кинематограф, на отношение к историческим персонажам выражено тактично, допускается иная точка зрения. При этом «Тяжесть креста» – суровая и трудная книга. Посвящая ее Шукшину, Белов постоянно включает своего друга в широкий круг русской культуры. Читатель вместе с автором размышляет о судьбе писателя в России. Самокритичность и жесткость В. И. Белова объясняются, как кажется, обостренным чувством справедливости, которое не дает молчать мастеру в труднейшие годы перелома. Трагические изменения идут не только в политике, но и в нравственности, в культуре в целом. Для В. Белова, который всегда выступал проповедником традиционной культуры с четкими нравственными ориентирами, абсолютно неприемлемыми оказались многие перемены в обществе.

В. И. Белова волнует судьба русской культуры, которую, как и многие европейские культуры, пытаются унифицировать. Он со страниц своей книги стремится напомнить обществу, в чем истинное предназначение писателя, мастера, творца. А оно заключается, по мысли автора, в борьбе за национальные интересы России. Настоящих защитников, как считает В. Белов, общество не знает. Однако именно такими защитниками являются писатели из народа. Об их трудной судьбе и размышляет автор.

Одним из защитников национального мировоззрения, по мысли Белова, является Василий Макарович Шукшин. С образом В. Шукшина в вос-

поминания входит ряд тем: судьба талантливого человека в России и судьба русского народа; православие, поиск истины.

Дружба Шукшина и Белова основывалась на близости душ, сходстве судеб и тем творчества, главной из которых стала судьба русского народа.

Шукшин предстает в прозе В. Белова русским самородком, жизненный путь которого «усыпан максимальными трудностями, максимальными замыслами». Выросший без отца, Шукшин до конца дней сохранил трепетное отношение к матери, сестре. Трудности быта, неудачная женитьба не обозлили его, хотя наложили неизгладимый отпечаток на восприятие мира: «Шукшинская душевная боль имела явно общероссийские масштабы, мы унаследовали эту боль от собственных матерей и погибших отцов» [1, с. 94]. Некоторые черты людей, подобных Шукшину, на наш взгляд, нашли отражение и в художественном творчестве Белова: доброта, мудрость и, одновременно, некая детскость, веселость, невозможность переносить детские слезы и вечный поиск смысла жизни. Эти черты присутствуют и в образе Кости Зорина, и в образе Дмитрия Медведева. Это герои, живущие в городе, так и не сумели приспособиться до конца к этой жизни, как Шукшин, как сам Белов.

Стремясь следовать хронологии в описании жизни Шукшина, автор часто включает в повествование собственные размышления, выстраивает ассоциативные ряды, что способствует расширению границ повествования во времени и пространстве. Главное место в повествовании занимают воспоминания о Шукшине, однако они тесно переплетаются с воспоминаниями о многих литераторах советского времени: Есенине, Шолохове, Яшине, Твардовском, Тендрякове, Абрамове, Рубцове и тех, кто по разным причинам не смог получить признания или вообще не стал писателем. Восхищаясь ими, Белов отмечает: «О, сколько было их на Руси, талантливых, но пропавших из-за сиротства, из-за тюрьмы или из-за обычной нужды» [1, с. 87].

Без связей, без средств к существованию они пробивались к вершинам писательской славы, заслуживали уважение и признание простых людей и подвергались нападкам и гонениям со стороны представителей власти, в том числе в литературной среде. Об этой странной закономерности Белов размышляет на протяжении всей книги. Для писателя очевидно, что такова была политика не только внутри государства, но, как пишет Белов, «цензура была всемирна» [1, с. 91]. Выхода к читателю или слушателю не давали и за рубежом: «Мои друзья в Европе слушали мое выступление на радио «Свобода», вдруг началось завывание генераторов. Европейские глушилки включались, когда кто-то намеренно или ошибочно говорил по «Свободе» что-то невыгодное «мировой закулисе»» [1, с. 91].

Однако именно писатели из глубинки стремились сохранить традиционную культуру, с ее нравственностью и духовными ценностями, этим, как кажется, объясняется и популярность «традиционной» прозы у читателя. Творчество таких писателей, как Шолохов, Яшин, Твардовский, Шукшин, Белов, отражало глубинные процессы жизни народа с ее падениями и взле-

тами. Судьбы данных мастеров были наполнены драматическими, подчас трагическими событиями. Все время им приходилось доказывать свою состоятельность, искать средства к существованию, растрачивать свой талант на пустяки ради заработка. Умение выстоять, не сломаться, не отступить от своего предназначения приравнивается В. Беловым к подвигу. Василий Иванович и сам прошел трудный путь «неудобного» писателя, о чем автор неоднократно говорит в мемуарах. Дружба с Шукшиным и работа над воспоминаниями именно о нем объясняется сходством судеб и взглядов: «Почему я так долго не осмеливался братья за шукшинскую тему? Дело в том, что я как-то стеснялся откровенно рассказать о наших отношениях с Василием Макаровичем, поскольку многие эпизоды его судьбы до смешного схожи с моими. Впрочем, смешного в этом сходстве мало... Оно скорее трагично» [1, с. 78].

Одним из ключевых образов книги воспоминаний является крест.

О назначении писателя и о тяжести его креста В. Белов размышляет с первых строк книги. Творчество осмысливается автором как дерзновение. Эта мысль звучит в начале повествования: «Никто не запрещает тебе ставить поистине божественные задачи! Стремись быть лучше Толстого и Пушкина (только молчком), получится, может быть, не хуже, чем у Тургенева» [1, с. 71]. О смелости уже духовной, а не только творческой, он заявляет дальше: «Что за писатель, если он трус?» [1, с. 100]. Риск оказаться неуютным, откровенно враждебное или лицемерно внимательное отношение губят писателей беловского круга. «Традиционная» проза, которую упрощенно называли «деревенской», находя отклик у читателей, в литературной среде 60-х – 90-х годов оказывалась часто оппозиционной. Борьба за право говорить о своем, напоминать обществу о его корнях, выносить приговор бесчеловечности и безнравственности стали делом жизни для Шукшина и Белова. Этому они учились у мастеров-предшественников. Включая в повествование имена Пушкина и Достоевского, Есенина и Шолохова, Белов не просто проводит параллели со своим временем, но и делает вывод о неизбежности крестного пути для истинно русского писателя.

Рассказ о драматических событиях в жизни Шукшина, сопровождается постоянными экскурсами в историю. Литература и культура России теснейшим образом оказывается связана с именами Пушкина, Есенина, писателей 20 века. Для Белова именно Пушкин и Есенин являются ключами к постижению писательской тайны. Гибель этих великих людей предопределяет судьбу всей русской культуры. Размышляя о трудностях издания книг, проталкивания произведений, которые спустя время объявлялись классикой, автор заявляет: «Мы наткнулись на какую-то невидимую паутину, сплетенную хитро, давно и основательно» [1, с. 87]. «Интеллигентской эстетике», которой проникнуты столичные мастера, Белов противопоставляет народную правду. Носителем народной правды является упоминаемый в первых строках книги плотник Нестерко, мастер, создавший Киж.

В этот же ряд ставит писатель С. Есенина, Н. Рубцова, В. Шукшина. Мастерство требует от писателя полного самоотречения, полной самоотдачи.

Упомянув записи В. Жуковского о счастье, о том, что «счастье не самое главное в жизни», Белов подводит читателя к проблеме страдания. Человек, идущий особой узкой тропой, ищущий истину, открывающий ее людям, должен быть не просто готов к страданию, а желать его. «Божественная стыдливость страдания» мешает жаловаться, мстить, дает силы терпеть унижения и оскорбления непосвященных. Судьба истинно народных писателей, по мнению В. Белова, это отражение народной судьбы, которая ведет на Голгофу. На этом пути формируется великое терпение и мудрость народа и лучших его представителей.

Повествуя о своей жизни и жизни своих друзей, Белов подводит читателя к мысли, что судьба литераторов 20 века теснейшим образом связана с судьбой народа. Революции и войны привели к масштабным изменениям в духовном развитии общества. Белов размышляет о сходстве биографий писателей- современников. Безотцовщина, отсутствие глубокого образования, аттестата и, как следствие, борьба за читателя, ощущение бесконечного одиночества преследует и Рубцова, и Шукшина, и самого Белова. «Крестьянская боль передалась нам по наследству», – пишет автор мемуаров, с болью вспоминая жизнь отцов и матерей. Представители власти воспринимаются им как враги народа, так как разрушают семьи, народную культуру и ломают традиционные представления общества о добре и зле. Все эти мысли неоднократно находили отражение в художественных произведениях писателя, однако в мемуарах они звучат резче, отчетливее. В воспоминаниях Белов многократно останавливается на проблеме сохранения русской культуры. Большинство русских писателей шло в литературу тернистым путем. Крестьяне, из которых вышли многие русские авторы, не имели прав, знаний, народная культура причислялась к разряду отсталых культур. К этому добавились последствия репрессий, раскулачивания. Относились к русским писателям, вышедшим из глубинки, в 50-70-е годы как к второсортным авторам. Размышляя о трудном пути таких мастеров, о судьбе Шукшина, Белов отмечает, что судьбы русской культуры решаются «то гавкающими церберами, то ехидным щелбетом столичных пташек» [1, с. 73].

Тем важнее образцы победителей «столичной элитарной» культуры 20 века. Наибольшее уважение у Белова и у Шукшина вызывал Шолохов. «Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил – не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, – что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить глубоко народную судьбу... Он предстал передо мной реальным, земным светом правды», – говорил Шукшин в своем последнем интервью [1, с. 102]. Эти слова стали писательским кредо и для Белова. О советском классике Белов говорит с искренним восхищением силой характера и писательским талантом. «Поднятую целину» он считает не столько ошибкой, сколько «уступкой конъюнктуре».

К 60-70-м годам 20 века неприязнь к крестьянам, рвущимся в литературу, явно усиливалась, что ощущал и сам Белов. Поэтому суровым обвинением в адрес чиновников в литературе звучат слова писателя о дипломе, который сравнивается со справкой Ивану-дураку о том, что он не дурак, на добывании справки строится сюжет сказки Шукшина «До третьих петухов». Рефреном проходит в воспоминаниях фраза – предупреждение из этой пьесы: «Ванька, смотри!». Сам Белов пытается за событиями бытовыми и социальными увидеть причинно-следственные связи, найти объяснение неустроенности жизни талантливых людей в России. И приходит к неутешительным выводам: писатель на Руси вынужден быть пророком, которому нет места в своем отечестве.

Размышляя о политике государства по отношению к русским, писатель ставит проблему вытеснения русской культуры. Идет подмена понятий, за которой трудно углядеть истинные причины событий. Политику государства он оценивает как колониальную по отношению к своему же народу. Используя образы сказки Шукшина, Белов рисует государство как монастырь, в который вошли (с помощью самого Ивана-дурака) черти, выгнали монахов и пируют там. Усиливается критика чиновничьего аппарата, когда речь идет о книге Шукшина «Разин». Для Василия Макаровича это произведение было очень важно, он хотел, чтобы читатель узнал его героя. Невозможность «протолкнуть» «Разина» в этом смысле символична. Элитарной культуре не нужен образ русского бунтаря, удобнее представлять читателю и зрителю то, что попроще, в чем нет мощи мысли, характера Стеньки Разина (за которым стоит не только Шукшин, но и весь русский народ).

Включение воспоминаний о Шукшине в контекст всего творчества Белова позволяет обнаружить еще одну закономерность. Говоря о «Разине» Шукшина, В. Белов не соглашается с трактовкой этого исторического персонажа своим другом. У Василия Ивановича есть пьеса «Александр Невский», в которой создан образ правителя. Князь Александр рисуется писателем как государственный человек, для которого честь и мощь Отечества выше личных амбиций. Невский готов терпеть власть Золотой Орды до тех пор, пока не окрепнет молодое государство, пока Русь не будет готова подняться против грозного врага. Белов показывает сомнения и страдания князя, которого обвиняют в слабости и практически – в предательстве. Однако именно деятельность Александра Невского готовит Русь к будущей Куликовской битве. Те же взгляды на государство можно обнаружить в мемуарах: «Разин для меня был не только вождем крестьянского восстания, но еще и разбойником, разрушителем государства. Разин и Пугачев и сегодня олицетворяют для меня центробежные силы, враждебные для русского государства» [1, с. 101]. Исходя из подобных высказываний автора, можно утверждать, что Белов выступал не против государства и власти, а за крепкую власть, которая служила бы верой и правдой Отечеству. Вместе с тем, в современности Белов не видит таких людей. Литературная среда, как государство в государстве, отражало эту закономерность.

Предостережением и одновременно завещанием Шукшина, по мнению В. Белова, звучат слова из сказки: «Ванька, смотри!», где в роли Ваньки выступает русский человек, униженный, пляшущий под чужую дудку, и все же умный и сильный. Актуальны эти слова и сейчас.

Центральный образ креста в воспоминаниях неизбежно обращает читателя к теме христианства, православия, возвращения русского человека к вере. Этот путь подразумевает серьезную работу души, он скрыт для окружающих и потому непонятен многим. Однако ориентация на традиционные духовные принципы рано или поздно должна была привести писателя к вопросам веры.

Всё творчество В. Белова, по сути своей, строится на православной традиции. Она является обязательной частью народной культуры, в которой формировалось мировоззрение русского крестьянина и самого Белова. Поиск Христа для писателя стал важен еще в советское время. Воспоминания раскрывают некоторые этапы этих поисков. Еще в студенческие годы православные праздники были для него важной датой, однако, на наш взгляд, это пока только обрядовая форма, традиция, а не потребность души. Затем была подаренная Шукшину икона Христа-Эммануила, воспринятая пока как подарок, знак принадлежности к народной культуре. Однако постепенно усиливается интерес к религии, идет зарождение веры в душе человека: «Сам пробуждался только-только... Страна была все еще заморожена атеистическим холодом. Лишь отдельные места, редкие проталины, вроде Псково-Печорского монастыря, подтачивали холодный комуно-еврейский айсберг» [1, с. 89].

Путь Шукшина к Богу сходен с путем Белова. Генетически в них жила вера, которая усиливалась, углублялась в преодолении самых разных преград. Кажется, что Шукшин был более близок к христианскому всепрощению, его природная доброта способствовала этому. Шукшин в своем почитании матери спрашивал у нее разрешения обзавестись третьим ребенком. Белов более суров к людям, однако он понимает, что у каждого свой путь. Воспоминания названы «Тяжесть креста». В первую очередь, это крест Шукшина: «Макарыч шел на свою Голгофу, не оглядываясь и не озираясь» [1, с. 71]. Трудный путь этого мастера: его ранняя смерть, душевная мягкость и кротость, гонения со стороны государства, чиновников, пережитые унижения и стыд за Россию, жалость ко всему живому – все это приближает Шукшина к образу народного героя.

С другой стороны, тяжесть креста ощущает сам Белов, судьба которого схожа с судьбой друга. Наконец, речь идет о кресте русского народа, пережившего от своих предков православие: «Тяжесть жизненного креста, если человек встал с колен и шагает истинно православным путем, увеличивается с каждым последующим шагом. Такое, то есть религиозное, отношение к жизни постепенно и сперва неосознанно вырабатывалось в моем сердце» [1, с. 70].

Воспоминания Белова явились философским подведением итогов всего развития русской культуры 20-го века. Они вновь подняли вопрос о выживании русского народа и его предназначении. Вместе с тем, определили окончательно отношение писателя к вере.

Таким образом, книга воспоминаний о Шукшине является важной частью творческого наследия автора, раскрывая тяготы писательского труда, погружая читателя в противоречия литературного и культурного развития России в 20 веке. В книге «Тяжесть креста» В. И. Белов остается верен своим принципам. Он суров и откровенен с читателем. Утверждая вновь и вновь народную традицию, он пытается пробудить сознание людей, напоминая об истоках и нравственном потенциале русской культуры.

Литература

1. Белов В. И. Тяжесть креста. Воспоминания о В. М. Шукшине // Роман-газета. – 2001. – №8. – С. 70 – 112.
2. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII – XX веках. – М., 2002. – 1056 с.
3. Мемуары на сломе эпох // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 3–35.
4. Распутин В. Г. Служба Василия Белова // Наш современник. – 2002. – №10. – С. 3-4.
- 5.Тартаковский А. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. – 1999. – №1. – С. 35–55.
6. Трофимов В. К. Истоки и сущность русского национального менталитета (Социально-философский аспект) Автореф. дис. ... доктора философ. наук. – Екатеринбург, 2001. – 43 с.

Л.Г. Яцкевич
Вологда

ОБРАЗЫ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННОКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ

Н. А. КЛЮЕВА

Н. А. Клюев имел широкий круг знакомств в литературном мире, однако всегда был в этом мире одинок и часто не понят, или, как сам писал об этом, «греховным миром не разгадан» [9, с. 3-53]. Именно поэтому особенно ценны для нас наблюдения и оценки поэтом своих собратьев по перу, которые постоянно встречаются в его стихотворениях. Клюев посвящает им свои произведения, в которых вступает в поэтический диалог с ними. В некоторых своих стихотворениях он как бы оглядывается на них, ища у них дружеской поддержки, или вступая с ними в спор. Эта пушкинская черта его поэзии очень примечательна.

Обратимся к образам поэтов-современников, которые запечатлел в своем творчестве Н. А. Клюев. В зависимости от того, какое поэтическое